

Как только Генрих услышал мой ответ, он спокойно покинул свое место. Адъютант пошел с ним.

Служанки цеплялись за меня весь день до самого конца, говоря:

— Наша малышка дороже всего на свете.

— Делайте с ним все, что захотите.

— Мы убьем всех, кто заставил вас страдать.

Все было бы не так сложно, если бы они оказались единственными с таким настроением.

Дворецкий плакал, а моя швея пыталась ворваться в подземелье с ножом. Шеф-повар, принося много прохладительных напитков, долго извинялся, говоря, что это из-за того, что он не смог должным образом подобрать и обучить поваров.

Даже рыцари, как и служанки, говорили, что я — самый драгоценный ребенок в этом замке, а граф сошел с ума.

Они, казалось, были шокированы тем, что граф Семонд издевался над таким маленьким ребенком как я и долгое время плохо обращался со мной.

Удивительно, но этот факт заставил меня успокоиться. Возможно, это потому, что слуги и рыцари говорили в унисон.

Детям просто нужно хорошо питаться, крепко спать, весело смеяться, много играть, а взрослые, которые поступают с ними плохо, должны быть наказаны.

Поэтому, какое бы наказание он ни получил, оно разумно.

Есть только один ответ, который я дала Генриху.

— Пожалуйста, пусть будет так, как велит закон.

Это было моим единственным ответом.

Если подумать, то для Генриха, который уже является законом империи, это могло звучать как: «Папа, делай, что хочешь».

Уже давно наступила ночь.

Казалось, горничные собрались сегодня всю ночь оставаться в моей комнате, но я отослала их под предлогом, что мне нужно побыть одной.

И как только увидела, что они удалились из комнаты, спустилась с кровати, положила подушку под одеяло, симитировав фигурку спящего ребенка, и вышла на улицу с фонарем.

Мне еще предстояла работа.

Жив ли граф Семонд?

Сначала я слышала, что его пытали, и все его тело превратилось в лохмотья, но потому что разговоры об этом велись при ребенке, никто не говорил, как именно он выглядит.

Я хотела увидеть его растерзанным и поговорить с ним в последний раз.

«Каково это — расставаться с жизнью?» — я собиралась задать этот вопрос самым любезным тоном.

Я беспокоилась, что по дороге снова появятся призрачные слуги, но, к счастью, сегодня их голосов не было слышно.

Расположение подземелья я знала, хоть и приблизительно, поэтому добралась туда без труда.

Когда я протиснулась в полуоткрытую дверь и спустилась по темной лестнице, мне в лицо ударил сырой воздух.

Я оставила фонарь на всякий случай, но благодаря лампам на стенах здесь было не слишком темно.

«Ух, кто там?»

Попытавшись пройти немного дальше, я увидела человека, стоящего посреди тюрьмы, поэтому сразу же остановилась и спряталась за колонной.

Прислушавшись, я услышала голос, и этот голос был мне знаком.

— Думаешь, теперь ты в безопасности? Когда узнают, что меня больше нет, мои люди не станут бездействовать!

Граф Семонд, запертый в клетке, кричал как сумасшедший.

Почему-то его произношение стало очень нечетким. Он говорил, словно терпя боль, и его стоны сопровождались стойким запахом крови. Я задержала дыхание, прежде чем шагнуть ближе.

Когда выглянула еще немного, смогла разглядеть высокого мужчину перед клеткой.

Это была Генрих, который просто смотрел вниз на кричащего графа Семонда.

— Е-если т-ты не хочешь войны!..

— Война...

Я ощутила, как воздух вокруг меня быстро пришел в движение. И обняла себя за плечи, чувствуя мурашки по всему телу.

Воздух дрожал от маны, которая поднималась вокруг Генриха.

— А зачем мне нужна такая грандиозная причина, чтобы убить тебя?

Грохот...

Вся подземная тюрьма, потревоженная маной, которая начала яростно вихриться, завибрировала. Стены и земля тряслись, и даже неприятно пахнущий воздух неистово дрожал.

— Не имеет значения, сколько у тебя земель и сколькими рыцарями ты повелеваешь, — лишь низкий голос, похожий на рычание, раздался рядом, и в нем слышались стальные нотки. — Тебе придется заплатить за жестокость, которую ты проявил к моей дочери.

Я дрожала до этого момента и тут почувствовала, как кто-то мягко обнял меня за плечи и встал рядом.

Темные глаза красиво сверкали красными всполохами. Это тот самый мальчик, Кин.

Почему, почему он здесь?

Я открыла рот в недоумении, а он поднял указательный палец, приложил его к моим губам и кивком головы успокоил меня.

Затем с восхищенным видом указал за колонну.

Ты хочешь, чтобы я продолжала слушать?

Так что я продолжила смотреть и вслушиваться. Дрожь в теле прекратилась раньше, чем я успела это понять.

Затем послышался голос Генриха.

— ...В день моего освобождения из тюрьмы я собирался немедленно забрать дочь.

Он помолчал немного, но продолжил.

— Но что ты мне тогда сказал? Ты сказал, чтобы я не волновался, потому что ты хорошо заботишься о моей дочери. И за ней можно приехать, когда все полностью стабилизируется.

Сквозь тишину слабо донесся тревожный стон графа Семонда.

Мальчик, который появился рядом со мной неизвестно откуда, крепко сжал мою руку, когда я съезжилась.

Я слушала историю дальше.

— Разве это не так? Каждый раз я писал тебе, чтобы вы хорошо заботились о моем ребенке. Тогда я все еще не мог показаться на глаза своему ребенку и верил в твои слова. Глупец.

Это было одновременно мощно и вызывало у слушателя чувство страха, достаточное, чтобы заставить тело дрожать само по себе. Его низкий хриплый голос ревел.

— Но если ты собирался ТАК заботиться о моем ребенке, почему сам вызвался забрать ее? Почему ты останавливал меня, говоря, что она спит или больна, каждый раз, когда я приходил к своему ребенку? Почему ты хотел продать моего ребенка в рабство?..

Так Генрих несколько раз пытался забрать меня вскоре после освобождения из тюрьмы?!

Но когда граф Семонд узнал о смерти Генриха, он начал издеваться надо мной. К тому времени, когда герцог пришел искать меня, они скрыли мое существование, потому что боялись быть пойманными.

Если они отпустят меня, он узнает, что граф Семонд сделал со мной.

И я поняла...

<http://tl.rulate.ru/book/49139/1709842>